

Book Reviews

Popowska-Taborska H. *Z różnych szuflad. Prace wybrane, relacje, wspomnienia.* Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 2010. 390 pp.

Проф. Ханна Поповска-Таборска — одна из крупнейших фигур польской славистики второй половины XX – начала XXI века. Ученица проф. З. Штибера, она известна прежде всего как исследовательница кашубского языка, как один из создателей и редакторов многотомного кашубского атласа (*Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich* / Pod kier. Z. Stiebera (t. 1–6) i H. Popowskiej-Taborskiej (t. 7–15)), один из авторов кашубского этимологического словаря (*Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, t. 1–6. Warszawa, 1994–2010); ей принадлежат также книги и многочисленные статьи по лексике, фразеологии, истории кашубского языка (см. *Szkice z kaszubszczyzny*. T. 1–3. Gdańsk, 1987–2006), по исторической лексикологии польского языка, по древнейшей истории славянских языков и этногенезу славян (см. *Z językowych dziejów Słowiańszczyzny*. Warszawa, 2004).

Рецензируемая книга издана к 80-летию Х. Поповской-Таборской и включает статьи, заметки и мемуары разных лет, не вошедшие в другие сборники ее работ. Они сгруппированы в шесть разделов: I. Северо-западная Славия (*Słowiańszczyzna północno-zachodnia*), II. Полонистика (*Polszczyzna*), III. Кашубский язык (*Kaszubszczyzna*), IV. Лужицкие языки (*Łużyczczyzna*), V. *Varia*, VI. Заметки и воспоминания (*Relacje i wspomnienia*). Книга содержит также список литературы и сокращений, сведения о первых изданиях публикуемых статей и полную библиографию трудов автора с 1955 по 2010 г.

В первом разделе помещены статьи, продолжающие и развивающие тему северо-западной окраины Славии как особого ареала, имеющего свои характерные черты, выделяющие его из общеславянского континуума. Автор подводит итог полувековым исследованиям полабского, словинского и кашубского языков в их отношениях друг с другом и с лужицкими, польским и немецким языками, раскрывает специфику языковой ситуации и языкового сознания носителей этих языков, обращает внимание на их лексические и фонетические архаизмы, нередко объединяющие их с другими группами славянских языков — восточно- и южнославянскими (ср. серб.-хорв. *vegav* ‘кривой, изогнутый’ и кашуб. *vagovasq* о досках ‘искривляться, изгибаться’, сев.-кашуб. *zålój* ‘заливаемый водой край морского берега’ и рус. диал. *залой* ‘низина со стоячей водой’ и др.). Привлечение материалов этих языков позволяет автору предложить этимологические версии для слов, не имевших надежной этимологии (ст.-пол. *miasek* ‘младший сын’, зап.-слав. *žart, žert, žort* ‘шутка’, кушуб. *zǵto* ‘смертная рубаха’ и др.).

Польский раздел книги посвящен в целом проблемам исторической лексикологии польского языка, формирования лексического состава литературного языка, диалектной принадлежности литературной лексики, анализу лексики и истории создания некоторых словарей (Словарь Бартоломея из Быдгощи XVI века; Польско-ятвяжский словарик, найденный в 1978 г. в Белоруссии, споры относительно подлинности и времени создания которого продолжаются до сих пор; словарик лексики Кочевья) и сборников христианских песнопений (Несвижский канционал XVI в., поморские канционалы XVII в., Гданьский кан-

ционал 1723 г.). Х. Поповска-Таборска подчеркивает необходимость создания исторической лексикологии польского языка как систематической дисциплины и в ряде случаев сама предоставляет ценный материал для этой дисциплины (таковы, например, ее личные свидетельства об «уходящей» лексике).

В кашубском разделе публикуются статьи последних лет, не попавшие в трехтомник, изданный в Гданьске (см. выше). Они так или иначе связаны с работой над кашубским этимологическим словарем и касаются вопросов этимологии, семантики, истории кашубской лексики, ее культурного и исторического контекста (отражение дохристианских представлений в народной демонологической лексике, балтийские следы в кашубском лексиконе, исторические корни кашубского понятия *rogódki* 'захолустье', опыты создания кашубского литературного языка и др.).

Небольшой раздел лужицкой тематики включает всего две работы, в одной из которых автор пытается на основе анализа карт лужицкого лингвистического атласа пролить свет на постоянно волнующий славистов вопрос об исконном различии или единстве двух лужицких языков и приходит к заключению, что лексические оппозиции верхне- и нижнелужицкого языков (н.-луж. *wogon*: в.-луж. *wopiš* 'хвост', н.-луж. *droga*: в.-луж. *puś* 'дорога', н.-луж. *ryś*: в.-луж. *torhać* 'дергать лен' и т.д.) отражают две разных волны заселения славянами Лужицы (условно — польскую и чешскую); во второй статье автор затрагивает ту же проблему генезиса лужицких сербов и их языка, обращаясь к антропонимическому материалу.

В разделе *Varia* представлены как работы методологического характера, показывающие необходимость создания словаря семантических параллелей славянских языков, важность составления диалектных этимологических словарей, изучения ранних миграций славян (в частности, заселения ими северно-западных территорий Повислья, Поморья и Полабья), так и статьи частного характера, посвященные отдельным явлениям в польской лексике: особым формам «ласкательности», новым словам, манифестирующим старые модели (пол. *żelita*), балтийским заимствованиям в рыболовной лексике — названиях рыбацких сетей (*wiersza, więcierz, żak*).

Большую ценность для истории славистики представляют статьи последнего раздела, воссоздающие историю кашубских исследований в Польше во второй половине XX века, одним из самых активных участников которых была Х. Поповска-Таборска, и дающие представление о ярких ученых-подвижниках, ее учителях и коллегах (З. Штибере, Б. Сыхте, В. Крее, В. Помяновской, Ф. Хинце, Х. Гурновиче). Всем им польская наука обязана своими выдающимися достижениями в этой области — по степени и уровню изученности с кашубским регионом не может сравниться ни один из регионов Славии.

СВЕТЛАНА ТОЛСТАЯ